

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

SUBSIDIARY LIABILITY IN ANCIENT ROME

P. Yurzin

Annotation

The article is devoted to the search for the subsidiary liability phenomena in the Roman law. Proceeding from the position that there was not appropriate concept in the Roman law and that representatives of modern Roman law science don't use it, the author proposes the most general concept which corresponds with modern convictions of the Russian civil law. The Roman law suretyship (*adpromissio*), noxal responsibility institutions, responsibility for *actiones adjecticiae qualitatis*, responsibility in the framework of guardianship and pledge legal relations were analyzed from the perspective of that concept. A number of conclusions were made about the correspondence of legal forms of social relations taking place in the framework of above-noted institutions to predetermined concept.

Keywords: subsidiary liability, subsidiary obligation, Roman law, suretyship, noxal responsibility, *actiones adjecticiae qualitatis*, liability of magistrates.

Юрзин Павел Николаевич

Аспирант,
Ульяновский государственный
университет

Аннотация

Настоящая статья посвящена поиску явлений субсидиарной ответственности в римском праве. Исходя из того, что праву Древнего Рима не было известно соответствующее понятие, современная наука римского права им также не оперирует, автором предложено наиболее общее понятие таковой, соответствующее современным воззрениям российской цивилистики. С позиций этого понятия исследованы римско-правовые институты поручительства (*adpromissio*), ноксальной ответственности, ответственности по искам с дополнительным назначением (*actiones adjecticiae qualitatis*), ответственности в рамках правоотношений опеки, залога. Сделан ряд выводов относительно соответствия правовых форм общественных отношений в рамках указанных институтов заданному понятию.

Ключевые слова:

Субсидиарная ответственность, субсидиарное обязательство, римское право, поручительство, ноксальная ответственность, *actiones adjecticiae qualitatis*, ответственность магистрата.

Субсидиарная ответственность – это, с одной стороны, объект – совокупность явлений правовой действительности, с другой стороны, понятие – мысль, которая выделяет из некоторой области и собирает в класс эти явления, посредством указания на их общие отличительные признаки, а с третьей стороны, термин – сочетание слов, обозначающее определенный понятием объект.

Впервые в законодательстве указанный термин появился с принятием в 1994 году части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). В ней были сформулированы общие положения о субсидиарной ответственности (статья 399 ГК РФ) и закреплена ряд случаев таковой (абзац второй пункта 3 статьи 56, пункт 2 статьи 68, пункт 1 статьи 75 ГК РФ и т.д.).

За прошедшее с того момента время соответствующий правовой институт претерпел серьезные преобразования, продемонстрировал свою жизнеспособность и эффективность в обеспечении имущественных интересов участников гражданского оборота.

Между тем в науке до сих пор не сформировалось четкого понятия субсидиарной ответственности. Открытыми остаются вопросы о ее сущности, содержании, форме, месте в системе общеправовых и гражданско-правовых категорий (юридической ответственности, гражданско-правовой ответственности, обязательства, охранительного правоотношения и т.д.). Отдельный интерес представляет проблема ее соотношения и взаимосвязи с иными понятиями, порожденными наукой в процессе исследования института. Это в первую очередь субсидиарное обязательство, субсидиарный должник и субсидиарная множественность.

Одним из направлений в изучении субсидиарной ответственности является исторический поиск соответствующих явлений на том или ином этапе развития человеческой цивилизации. Особое место в этом контексте занимает римское право, которое "стало базой правовой доктрины России" [11, с. 11] и "продолжает оказывать существенное влияние на развитие современного частного права" [18, с. 6]. В настоящей статье мы постараемся отыскать явления субсидиарной ответственности

именно в нем, но прежде сделаем несколько вводных замечаний.

До XIX века не было самостоятельного понятия близкого исследуемому. В науке римского права его также нет. По изложенным причинам говорить о субсидиарной ответственности в римском праве можно только с определенной долей условности, подразумевая соответствие конкретных правовых феноменов, не выделенных им в отдельное понятие, заранее заданным критериям.

К каким же критериям следует прибегнуть в этих целях? На наш взгляд, с учетом того, что концепция субсидиарной ответственности является довольно дискуссионной, разрабатывается смежное понятие субсидиарного обязательства, наиболее плодотворным было бы использование здесь самых общих признаков, некоего обобщенного понятия. В качестве условного знака, обозначающего такое понятие, мы будем использовать применяемый в современном законодательстве термин "субсидиарная ответственность". Постараемся представить эти признаки в виде определения.

Субсидиарная ответственность – это такая правая форма общественного отношения, в рамках которой одна из его сторон (кредитор), при возникновении обстоятельств, связанных с нарушением в отношении нее определенного обязательственного правоотношения третьим лицом (должником), приобретает право требовать от другой его стороны (стороны, несущей субсидиарную ответственность) того же самого, что должник обязан кредитору по нарушенному обязательству.

Как видно, субсидиарная ответственность здесь понимается нами в качестве некой правовой связи, одна из сторон которой одновременно является кредитором в обязательственном правоотношении.

Во-первых, это не юридическая ответственность, в ее традиционном понимании, поскольку не всегда является последствием правонарушения. Однако в некоторых случаях лицо может стать "несущим субсидиарную ответственность" в связи с таковым.

Во-вторых, это даже не обязательство, поскольку сторона, несущая субсидиарную ответственность, еще ничего не должна сделать или не делать в пользу кредитора. Однако такая правовая связь при возникновении иных фактов, связанных с неисполнением определенного обязательственного правоотношения, делает сторону, несущую субсидиарную ответственность, участником обязательства.

В-третьих, следует учитывать, что обозначенное определение несколько шире по сравнению с современным легальным понятием. Оно охватывает часть правовых

связей, которые российским законодательством отнесены к солидарной ответственности. Речь идет о солидарной ответственности в связи с простым неисполнением основным должником своих обязанностей (пункт 1 статьи 363, пункт 2 статьи 586, пункт 1 статьи 885 ГК РФ и др.).

Теперь, наконец, перейдем непосредственно к выполнению поставленной задачи.

Исследователи субсидиарной ответственности в целом сходятся во мнении, что первые ее проявления обнаруживают себя в римском поручительстве [4, с. 12; 14, с. 16; 19, с. 17].

Мы поддерживаем эту позицию. Римское поручительство (*adpromissio*) существовало в различных формах (*sponsio*, *fidepromissio*, *fideiussio*) [1, с. 135; 3, с. 23; 5, с. 412; 8, с. 518; 16, с. 418; 17, с. 221], отражающих потребности своего времени [15, с. 420–421]. В экономическом смысле поручитель, в силу самой сущности соответствующих отношений, всегда являлся не основным должником [2, с. 651, 657–658; 16, с. 418]. Однако правовая регламентация не сразу отразила это фактическое различие в достаточной мере: условия "привлечения" поручителя к обязательству усложнялись постепенно. Так, византийским императором Юстинианом I в 1 главе 4-ой новеллы была установлена льгота – *beneficium excussionis*, которая позволяла *fideiussor*'у требовать первоочередного установления и приведения к исполнению процесса против основного должника. Только затем, в случае невозможности полного удовлетворения кредитора за его счет, требование могло быть обращено к лицу, несущему субсидиарную ответственность – поручителю [1, с. 135; 5, с. 415–416; 8, с. 521–522; 12, с. 205; 13, с. 407–408; 15, с. 300; 16, с. 421; 17, с. 221]. Схожим образом действовало *fideiussio indemnitis*. Так именовалась оговорка *fideiussor*'а, изначально заявляющего о готовности нести ответственность исключительно в случае неисполнения обязанности основным должником [2, с. 663; 3, с. 133; 5, с. 415; 15, с. 300]. Соответствие между правовым положением поручителя и его социальной ролью подкреплялось также созданием механизмов обратного взыскания уплаченного долга с основного должника (*actio depensi*, *beneficium cedendarum actionum*) [3, с. 23, 38, 55; 8, с. 519–521; 13, с. 407–408; 15, с. 300; 16, с. 421–422; 17, с. 221].

Действительно, если приложить обозначенные отношения к предложенному выше определению субсидиарной ответственности, то можно констатировать их соответствие ему. В рамках правовой формы отношений между поручителем и кредитором, последний при возникновении определенных обстоятельств, связанных с нарушением обязательства его контрагентом, приобретает право требовать от первого того же самого, что ему должны по нарушенному обязательству.

Постараемся описать динамику соответствующих правовых связей. Договор поручительства является тем юридическим фактом, который порождает субсидиарную ответственность. Последняя здесь, таким образом, не есть следствие правонарушения лица, несущего ее. Она – правовой эффект заключенного этим лицом договора. Обстоятельства, связанные с неисполнением должником обязательства в отношении кредитора, вкупе с возникшей ранее субсидиарной ответственностью, обуславливают "привлечение" лица, несущего ее, к нарушенному обязательству.

В заключение обозначим примечательную на наш взгляд позицию Ю. Барона, который рассматривал обязательство основного должника и поручителя перед кредитором как солидарное [2, с. 628, 633–636]. При этом он особо указывал на существование солидарных обязательств с неравным положением должников в них: "Один из солидарных должников отвечает *principaliter* (примечание – *principaliter* – особенно, преимущественно [6, с. 618]), а другой – лишь в том случае, если оказалось безуспешным взыскание с первого" [2, с. 634]. Иными словами, то, что мы выделяем в отдельное понятие субсидиарной ответственности (в значении порожденного по ее условиям обязательства), автор рассматривал как особый случай солидарной.

Таким образом, развитие института поручительства в римском праве отражает процесс адаптации правовой формы такового к сущности облакаемых в нее социально-экономических отношений. Содержание правовых связей поручителя и кредитора есть результат такой адаптации, который, на наш взгляд, вполне укладывается в предложенное понятие субсидиарной ответственности.

К сожалению, на поручительстве относительное единодушие по поставленному вопросу заканчивается. Вместе с тем появляется ряд интересных мнений, которые, несомненно, требуют освещения и дальнейшей проработки.

Так, Е.Е. Богданова считает, что "корни субсидиарной ответственности в деликтных правоотношениях обнаруживаются ... в ноксальной ответственности по римскому гражданскому праву" [4, с. 13]. Она выдвигает предположение о том, что "из ноксальной ответственности домовладыки за вред, причиненный сыном или дочерью, позднее появилась субсидиарная ответственность родителей за вред, причиненный их несовершеннолетними детьми" [4, с. 14].

При этом автор особо подчеркивает, что между указанными явлениями существует лишь некоторая схожесть, ноксальная ответственность является как бы прообразом субсидиарной. Такая позиция вызывает интерес и требует анализа.

В самых общих чертах исследователи римского права под ноксальной ответственностью понимают обязатель-

ство, возникающее между обладателем власти над подвластным, рабом или животным, с одной стороны, и третьим лицом (потерпевшим), с другой стороны, вследствие причинения подвластным, рабом или животным ущерба такому третьему лицу [3, с. 227; 5, с. 339; 9, с. 235; 15, с. 200]. В рамках него обладатель власти обязан возместить ущерб или передать причинителя вреда потерпевшему.

В науке существуют различные точки зрения на содержание такого обязательства [2, с. 791; 3, с. 227; 5, с. 339; 8, с. 498; 9, с. 186; 13, с. 286; 15, с. 200; 17, с. 108, 115].

Как бы там ни было, любой из подходов действительно позволяет заявить о некотором сходстве между ответственностью родителей за вред, причиненный их несовершеннолетним ребенком в возрасте от 14 до 18 лет, и ответственностью *pater familias* за деяние подвластного.

В обоих случаях фактическим причинителем вреда является одно лицо, а обязанность возместить его возлагается на другое лицо. Такое возложение не есть произвол, оно – следствие тесной связи между указанными лицами, с которой право связывает возможность и необходимость такового.

Между тем существует и ряд существенных различий.

Во-первых, в соответствии с действующим законодательством основным должником становится сам несовершеннолетний причинитель вреда. Его родители выступают в качестве лиц, которые лишь при определенных условиях становятся должны потерпевшему "то же самое". Домовладыка в связи с правонарушением становится основным и единственным обязанным лицом. У непосредственного причинителя вреда каких-либо обязанностей не возникает. Хотя, следует отметить, что его статус все же претерпевает некоторые изменения, связанные с правилом "*noxa caput sequitur*", согласно которому ответственность следует за причинителем [8, с. 626; 13, с. 286].

Во-вторых, родители действительно несут юридическую ответственность: возникновение их правовой связи с потерпевшим (субсидиарной ответственности) покоится, помимо прочего, на факте виновного совершения противоправного деяния, заключающегося в недолжном воспитании или надзоре за ребенком. На *pater familias* обязательство возлагается безотносительно к его собственному поведению. Последнее наглядно проявляется, с одной стороны, в прекращении его обязанностей при выбытии из-под его власти фактического причинителя, а с другой стороны, в возникновении таких обязанностей у любого другого лица, во власти которого окажется тот.

Существование указанных различий, на наш взгляд, обусловлено разницей социального положения детей и

подвластных лиц.

Дееспособность несовершеннолетних, признаваемая современным гражданским правом, обеспечивает им широкую экономическую свободу, которая позволяет возлагать на них имущественную ответственность за свои деяния, в расчете на существование фактической возможности возмещения ущерба за их счет. При этом, поскольку до достижения совершеннолетия дети обычно не обладают полной гражданской дееспособностью, зачастую находятся в экономической и личной зависимости от родителей, на которых, в свою очередь, возложены обязанности по их воспитанию и надзору за ними, постольку интересы потерпевших обеспечиваются установлением субсидиарной ответственности их родителей. Такая ответственность в полной мере выполняет также карательную и превентивную функции, поскольку базируется на виновном противоправном поведении.

Иным образом дело обстояло в Древнем Риме, где подвластные находились в абсолютной зависимости от своего *pater familias*. Они не располагали имуществом, а все приобретаемое ими поступало в собственность домовладыки. В таких условиях, понятно, что возложение обязанности на них не имело никакого практического смысла. Интересы потерпевших необходимо было защищать иным образом, и механизмом такой защиты стала ноксальная ответственность.

Таким образом, ноксальная ответственность *pater familias* и субсидиарная ответственность родителей действительно имеют нечто общее в своем социальном основании и функциональном предназначении. В то же время правовые формы их настолько различаются, что ноксальную ответственность нельзя втиснуть в рамки предложенного понятия.

Смежную, с рассмотренной выше, область отношений составляют отношения между домовладыкой, с одной стороны, и кредиторами его подвластного, с другой стороны, по сделкам, связанным с выполнением подвластным поручений домовладыки и управлением его имуществом. А.В. Зайков, характеризуя иск о пекулии (*actio de peculio*), вытекающий из этих отношений, пишет: "Это средство защиты давалось против домовладыки, который выделял в самостоятельное управление своему подвластному сыну (или рабу) часть своего имущества (*peculium*, пекулий; от *pecus* – домашний скот) и тем самым брал на себя субсидиарную (то есть дополнительную, резервную) юридическую ответственность по обязательствам подвластного, которые возникали в процессе осуществления последним хозяйственных функций в отношении пекулия" [9, с. 192].

Конечно, не следует полагать, что указание на субсидиарную ответственность в данном случае свидетельствует о соответствии, по мнению автора, рассматриваемого явления современному понятию о таковой. Контекст

указывает скорее на то, что слово "субсидиарная" здесь носит преимущественно общеупотребительный, а не терминологический характер, используется в своем буквальном значении как синоним слов "дополнительная" и "резервная". Однако, на первый взгляд, сделки подвластного по поводу пекулия и некоторые другие его сделки действительно порождают то, что мы условились называть субсидиарной ответственностью. Попробуем обосновать справедливость или ошибочность такого предположения.

На начальных этапах развития древнеримской цивилизации правомерные действия рабов и подвластных сыновей могли порождать на стороне домовладыки только права, но ни в коем случае не обязанности. На самих подвластных правовые последствия при этом вообще не распространялись [13, с. 285–286, 467; 16, с. 162; 17, с. 114–115, 130]. Позже последние стали признаваться субъектами так называемых натуральных обязательств (*obligatio naturalis*). Такие обязательства не были снабжены исковой защитой, т.е. не могли быть исполнены принудительно [13, с. 286].

С развитием и усложнением экономических отношений в интересах господ все чаще становилось предоставление, в том или ином виде, хозяйственной самостоятельности своим подвластным, которые, таким образом, отчасти представляли интересы своих владык. Однако, "по *ius civile*, договор, заключенный представителем, не производит никаких непосредственных последствий для представляемого" [2, с. 557]. Понятно, что невозможность привлечь последних к исполнению обязательств подвластных являлась серьезной проблемой для эффективного интегрирования их в гражданский оборот [12, с. 75–76]. Для ее решения претор стал предоставлять специальные иски – иски с дополнительным назначением (*actiones adjecticiae qualitatis*), позволяющие контрагентам подвластного обратиться в определенных случаях с требованием к его господину [13, с. 286–287; 15, с. 198]. Иск о пекулии (*actio de peculio*) и является одним из таковых. Помимо него к ним относят также разделительный иск (*actio tributoria*), иск о доходе (*actio de in rem verso*), иск о том, что поручено (*actio quod jussu*), экзерциторный (судовладельческий) иск (*actio exercitoria*) и инститорный иск, т.е. иск по поводу приказчика (*actio institoria*) [9, с. 192–195; 15, с. 198–200].

Характеризуя произведенную преторским эдиктом реформу, Ю. Барон писал: "Обязательства, возникающие по *ius civile* между представителем и третьим контрагентом, остаются в силе; кроме того, возникают еще обязательства между представляемым и третьим контрагентом; содержание этих новых обязательств совершенно то же, что и первоначальных; ... обязательству представителя принадлежит главное и определяющее значение, обязательству же представляемого – лишь придаточное и

производное" [2, с. 558–559].

Сходное мнение высказывал и К.ф. Чиларж: "Ответственность домовладыки, осуществленная посредством а. adiect. qual. имеет, таким образом, только придаточный характер. Она сходна с ответственностью поручителя, отличаясь от последней лишь тем, что она наступает не в силу договора, но в силу преторского эдикта" [20, с. 253–254].

Как видно, правовая форма отношений в данном случае действительно весьма сходна с аналогичной формой при поручительстве, особенно fideiussio по главному obligatio naturalis.

Таким образом, ответственность владыки по иску о пекулии была очень удачно охарактеризована А.В. Зайковым как субсидиарная. Аналогично следует рассматривать ответственность и по иным искам с дополнительным назначением. Отметим также, что в некоторых случаях такую ответственность несли лица, не обладающие властью над основным должником [20, с. 253–254].

Еще на одну сферу отношений, в которых обнаруживается субсидиарная ответственность, указал В.Н. Яковлев. Рассматривая вопрос об обязательствах с множественностью лиц, он писал: "Субсидиарные обязательства (obligation subsidiaria) носят вспомогательный (дополнительный) характер. Они появились во времена Траяна (император Цезарь Нерва Август) (53–117 гг. н.э.). Тогда стали применяться иски субсидиарные (action subsidiaria) против муниципального магистрата, назначившего неплатежеспособного опекуна, с которого подопечный не в состоянии был взыскать причиненный ущерб" [21, с. 359].

Обращение к нормативному массиву, регулирующему отношения опеки, позволяют сделать два существенных вывода.

Во-первых, в этих отношениях имели место случаи субсидиарной ответственности за правонарушение, т.е. подлинно юридической ответственности.

Так, по обязательствам неплатежеспособного опекуна перед подопечным субсидиарная ответственность могла быть возложена на муниципального магистрата (D., 27.8.1) [7, с. 750–751]. Если поручился за опекуна, то он отвечал безусловно (D., 27.8.1.2; 27.8.1.15; 27.8.1.16) [7, с. 750–755]. Однако, не являясь поручителем, магистрат мог быть привлечен к субсидиарной ответственности только за свое виновное поведение (D., 27.8.1.2; 27.8.1.3; 27.8.1.5; 27.8.1.11; 27.8.1.12) [7, с. 750–755]. Доказывание отсутствия вины возлагалось на самого магистрата (D., 27.8.1.13) [7, с. 754–755].

В качестве другого примера можно назвать субсиди-

арную ответственность так называемых "почетных" опекунов, которые не участвовали в управлении имуществом подопечного: "Они по исчерпанию средств того, кто вел (дело опеки), могут быть привлечены к ответственности, ибо они назначены в качестве как бы наблюдателей за действиями его и в качестве хранителей, и им вменяется в вину, почему они не заявили в свое время о своих подзрениях, когда видели, что он дурно ведет дела" (D., 26.7.3.2) [7, с. 597].

В указанных случаях субсидиарная ответственность возлагается на соответствующих лиц в связи с их правонарушением.

Во-вторых, субсидиарная ответственность в этих отношениях зачастую имела сложную (многоуровневую) структуру.

Так, если имелось соглашение между магистратами о том, что за опекуна несет ответственность только один из них, то прежде чем обращать требование к остальным, необходимо было обратиться с иском к принявшему на себя ответственность магистрату. Только после этого при недостаточности его имущества к ответственности привлекались другие (D., 27.8.1.9) [7, с. 752–753].

Иными словами, в данном случае магистрат, который взял на себя ответственность за выбор опекуна, нес субсидиарную ответственность по его долгам перед подопечным. Если имущества опекуна было недостаточно для покрытия таких долгов, то в неисполненной части обязанность возлагалась на этого магистрата. Другие магистраты, в свою очередь, несли субсидиарную ответственность по долгам "главного" по отношению к ним должника – взявшего на себя ответственность магистрата. Невозможность удовлетворения требований в результате обращения взыскания на его имущество влекла возникновение имущественной обязанности и у них.

Системное же толкование некоторых положений Дигест Юстиниана (D., 26.1.7; 26.7.3.2; 27.8.1) [7, с. 548–549, 596–597, 750–755] позволяет говорить о потенциальной возможности существования в этих отношениях следующей субъектной структуры должников (от первого, главного должника, к последнему субсидиарному должнику):

1. "управляющий" опекун – 2. поручитель "управляющего" опекуна – 3.1. подвластный "почетный" опекун (натуральное обязательство) – 3.2. господин "почетного" опекуна (в объеме пекулия или в полном объеме, в зависимости от признания им опекунства) – 4. магистрат, взявший на себя ответственность за опекунов – 5. иные магистраты.

В обозначенной структуре можно усмотреть явление субсидиарной ответственности римского права во всем его разнообразии. Здесь мы видим и договорную ответ-

ственность поручителей, и ответственность обладателей власти по натуральным обязательствам подвластных, и субсидиарную ответственность должностных лиц за собственную вину.

Наконец, Е.П. Прус называет залог одним из первых субсидиарных обязательств [14, с. 16–17], которые, по ее мнению, заключаются "в уплате дополнительным должником долга за главного дебитора кредитору последнего в случае невозможности взыскания либо отсутствия главного должника" [14, с. 21].

Мы не разделяем позицию автора относительно залога, которую, надо отметить, Е.П. Прус последовательно проводит в ходе всей своей работы. Приводить подробную аргументацию здесь не имеет смысла, поскольку различие во взглядах коренится в принципиально разном понимании субсидиарной ответственности (обязательства). Обозначим лишь основные моменты.

Во-первых, залогодатель и должник по обязательству зачастую являются одним и тем же лицом, что противоречит сущности субсидиарной ответственности, заключающейся в возложении неисполненной обязанности на самостоятельного субъекта. Действительно, если в указанном выше определении субсидиарного обязательства, предложенном самой Е.П. Прус, за дополнительным и главным должником разумеется одно и то же лицо, то это определение теряет всякий смысл.

Во-вторых, в содержании залогового правоотношения отсутствует обязанность залогодателя уплатить что-либо залогодержателю, что вновь входит в противоречии с конститутивными признаками субсидиарного обязательства, указанными в определении.

Так, характеризуя договор залога, Е.П. Прус, основываясь на работах М. Бартошека, И. Пухан и М. Поленак-Акимовской, пишет: "На основании этого договора "залогоприниматель" был правомочен владеть вещью, а также продать ее и удовлетворить свое требование выручкой от продажи, если этого не совершил сам залогодатель. С другой стороны, он должен был хранить предмет залога и вернуть его неповрежденным, если залогодатель исправно и вовремя выполнил взятые обязательства" [3, с. 145, 245; 14, с. 19; 15, с. 250–251, 406].

Именно ценность предмета залога, как вещи, и право на его продажу или обращение в собственность обеспечивают компенсацию убытков залогового кредитора в случае неисполнения обязательства. Нарушение обязательства не возлагает на залогодателя новых имущественных обязанностей.

Интересно, что Л.А. Кассо характеризовал право, возникающее в рамках залога Юстиниановского периода, как "субсидиарное" [10, с. 27]. Он писал: "Владелец

может устранить от себя вещный иск залогодержателя, пока не будет предъявлен личный иск должнику и пока не будет доказано, что кредитор этим путем не достиг удовлетворения" [10, с. 27]. Однако автор прямо указывал на вещную природу такого "субсидиарного" права [10, с. 27–28], что в любом случае исключает квалификацию правоотношения, в содержание которого оно входит, в качестве субсидиарного обязательства.

Изложенное в совокупности позволяет сделать следующие выводы.

1. И в понятийном аппарате правовой системы Древнего Рима, и в понятийном аппарате науки римского права отсутствует понятие, близкое современному понятию субсидиарной ответственности.

2. Явления, охватываемые современным понятием субсидиарной ответственности (в самом общем ее понимании), присущи правовой действительности Древнего Рима.

3. Возникновение субсидиарной ответственности в римском праве было обусловлено социально-экономическими потребностями римского общества и высоким уровнем развития самой юриспруденции.

4. Впервые субсидиарная ответственность появляется в договорных отношениях между поручителем и кредитором. Последний, при возникновении обстоятельств, связанных с нарушением в отношении него определенного обязательственного правоотношения должником, приобретает право требовать от поручителя того же самого, что ему должны по нарушенному обязательству. Развитие института поручительства отражает процесс адаптации правовой формы такового к сущности облекаемых в нее социально-экономических отношений (ужесточение условий, необходимых для "привлечения" поручителя к обязательству, предоставление поручителю льгот, создание возможностей для обратного взыскания и т.д.).

5. Возникновение субсидиарной ответственности "в силу закона" связано с особыми социально-экономическими условиями, а именно с существованием подвластных лиц, которые фактически осуществляли экономическую деятельность, но юридически не могли быть понуждены к исполнению обязательств, возникших в связи с ней (т.н. натуральных обязательств). Такие лица не имели собственного имущества и действовали во многом, в интересах своих господ. Эти особенности участия их в гражданском обороте вызвали необходимость в создании специальных средств охраны прав их контрагентов. Такими средствами стали иски с дополнительным назначением (*actiones adjecticiae qualitatis*), позволяющие требовать исполнения нарушенных подвластным лицом обязательств от его господина. Последний, таким образом, нес субсидиарную ответственность по долгам подвластного лица.

6. Апогея своего развития в праве Древнего Рима субсидиарная ответственность достигла в отношениях

опеки. Здесь, помимо прочего, ее основанием впервые становится правонарушение, т.е. она приобретает признаки действительно юридической ответственности. Также участие множества лиц с различными социальными ролями в таких отношениях обусловило максимальную эффективность использования здесь многоуровневых субъектных структур: одно лицо могло нести субсидиарную ответственность по обязательствам другого лица, но в то же время, само выступать в качестве главного должника по отношению к третьему лицу и т.д.

7. Ноксальная ответственность обладателя власти имела схожее социальное основание и функциональное предназначение с существующей ныне субсидиарной ответственностью родителей за вред, причиненный их несовершеннолетними детьми в возрасте от 14 до 18 лет. Однако, ее невозможно втиснуть в рамки современного понятия субсидиарной ответственности, поскольку владыка становился основным и единственным должником по обязательству, на стороне подвластного каких-либо обязанностей не возникало.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баринаева, М. Н., Максименко, С. Т. Римское частное право [Текст] : учебное пособие для вузов / М. Н. Баринаева, С. Т. Максименко. – М. : ЗАО Юстицинформ, 2006. – 208 с. – ISBN 5-7205-0753-1.
2. Барон, Ю. Система римского гражданского права [Текст] : в 6 кн. / Ю. Барон ; предисл. В. В. Байбака. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2005. – 1102 с. – ISBN 5-94201-449-3.
3. Бартошек, М. Римское право: (Понятия, термины, определения) [Текст] : пер. с чешск. / М. Бартошек. – М. : Юридическая литература, 1989. – 448 с. – ISBN 5-7260-0069-2.
4. Богданова, Е. Е. Правовое регулирование субсидиарной ответственности [Текст] : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.03 / Е. Е. Богданова. – Белгород, 2001. – 180 с.
5. Гримм, Д. Д. Лекции по догме римского права [Текст] / Д. Д. Гримм ; под ред. и с предисловием В. А. Томсинова. – М. : Издательство "Зерцало", 2003. – 496 с. – ISBN 5-8078-0088-5.
6. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь [Текст] / И. Х. Дворецкий. – 6-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 2000. – 846 с. – ISBN 5-200-02765-9.
7. Дигесты Юстиниана [Текст] / Перевод с латинского ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. IV. – М. : Статут, 2004. – 780 с. – ISBN 5-8354-0199-X.
8. Дождев, Д. В. Римское частное право [Текст] : учебник / Д. В. Дождев ; под общ. ред. В. С. Нерсисянца. 3-е изд., испр. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2015. – 784 с. – ISBN 978-5-91768-506-9 (Норма). – ISBN 978-5-16-009901-9 (ИНФРА-М).
9. Зайков, А. В. Римское частное право в систематическом изложении [Текст] : учебник / А. В. Зайков. – М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. – 480 с. – ISBN 978-5-91244-089-2.
10. Кассо, Л. Понятие о залоге в современном праве [Текст] / Л. Кассо. – Юрьев, 1898 : [б. и.], 1898. – 414 с.
11. Макарова, И. В. Влияние римского права на становление института обязательственного права России: вопросы истории и теории [Текст] : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.01 / И. В. Макарова. – Волгоград, 2005. – 250 с.
12. Подопригора, А. А. Основы римского гражданского права [Текст] : учеб. пособие / А. А. Подопригора. – Киев : Выща школа, 1990. – 284 с. – ISBN 5-11-001869-3.
13. Покровский, И. А. История римского права [Текст] / И. А. Покровский ; научн. ред. А. Д. Рудокваса. – СПб. : Летний сад, 1998. – 560 с. – ISBN 5-89740-014-8.
14. Прус, Е. П. Проблемы правового регулирования субсидиарных обязательств учредителей (участников) юридического лица [Текст] : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.03 / Е. П. Прус. – М., 2006. – 216 с.
15. Пухан, И., Поленак-Акимовская, М. Римское право [Текст] : базовый учебник / И. Пухан, М. Поленак-Акимовская ; перевод с македонского д. ю. н., проф. В. А. Томсинова и Ю. В. Филиппова ; под ред. проф. В. А. Томсинова. – М. : Издательство "Зерцало", 1999. – 448 с. – ISBN 5-8078-0040-0.
16. Римское частное право [Текст] : учебник / В. А. Краснокутский [и др.] ; под ред. проф. И. Б. Новицкого, проф. И. С. Перетерского. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 608 с. – ISBN 978-5-466-00460-1.
17. Санфилиппо, Ч. Курс римского частного права [Текст] : учебник / Ч. Санфилиппо ; перевод с итальянского Маханькова И. И. ; под ред. Д. В. Дождева. – М. : Издательство БЕК, 2002. – 400 с. – ISBN 5-85639-284-1.
18. Ткаченко, С. В. Рецепция римского права: вопросы теории и истории [Текст] : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.01 / С. В. Ткаченко. – М., 2006. – 187 с.
19. Храпунова, Е. А. Субсидиарная ответственность в гражданском праве [Текст] : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.03 / Е. А. Храпунова. – Рн/Д, 2001. – 185 с.
20. Чиларж, К. ф. Учебник институций римского права [Текст] / К. ф. Чиларж ; под ред. В. А. Юшкевича. – изд. 2-е, переработ. и согласованное с последним 7-ым и 8-ым нем. изд. – М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1906. – 498 с.
21. Яковлев, В. Н. Древнеримское частное право и современное российское гражданское право [Текст] : учебник / В. Н. Яковлев ; предисл. – С. Д. Бунтов, Н. В. Кузнецова, А. А. Подопригора. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 960 с. – ISBN 978-5-466-00544-8.